Архканцлер Империи. Начало

Автор:
Евгений Шепельский

Архканцлер Империи. Начало

Евгений Александрович Шепельский

Архканцлер Империи #1

Не думал, что когда-нибудь меня угораздит попасть в магический мир. Да в какой! Здесь нет драконов, чудовищ и единорогов, а эльфы давно вымерли от чумы. Зато здесь есть захудалая Империя, которая разваливается от бездарного правления престарелого императора. Долги Империи огромны, соседи точат зубы, Степь ждет дани, подковерные и явные интриги местных дворян и магов разрывают страну на куски. А я? Что я… Меня угораздило попасть в тело архканцлера этой Империи. Архканцлеру даны два года абсолютной власти, и за это время я должен спасти страну от гибели. Но сначала мне необходимо добраться до столицы и взять власть в свои руки. Но это не так-то просто сделать: многие не хотят, чтобы архканцлер вступил в свои права. Меня пытаются убить, и неизвестно, кто друг, а кто – враг. Впереди – имперская столица.

Евгений Шепельский

Архканцлер Империи. Начало

Империи рушатся потому, что гниют изнутри, а правители, на чьем счету нет никаких конкретных преступлений, приводят свой народ к катастрофе всем, что они не удосужились сделать.

С. Паркинсон. Законы Паркинсона (перевод М. Загота)

Пролог

Я иду по улицам Норатора, по узкому живому коридору. На мне тесный мундир, украшенный фальшивыми орденами, которые сияют в свете факелов и ламп ярче, чем настоящие. Я – будущий архканцлер империи Санкструм, хотя от архканцлера только оболочка, а внутри – совершенно другой человек.
Я обманщик, хотя к обману меня принудили. Я приветствую толпу, кланяюсь, расточаю улыбки, повожу рукой, делая вид, что страшно счастлив видеть всех горожан. А вот они искренне счастливы видеть меня. Но среди улыбчивых лиц и возбужденно блестящих глаз я время от времени ощущаю на себе колкие ненавидящие взгляды. Мои враги вынуждены охранять меня, иначе они не могут – я сделал так, что толпа просто растерзает всех членов Коронного совета, если с моей головы упадет хотя бы один волосок. О, эта сила убеждения, помноженная на знания попаданца из двадцать первого века мира Земли!

Шутейник идет рядом, на поясе – два коротких меча. В отличие от меня он напялил под одежду кольчугу. И в отличие от меня он знает Норатор как свои пять пальцев. Он – мой навигатор в лабиринте улиц средневекового города.

Мы движемся к храму Ашара, где под хрустальной полусферой лежит мандат архканцлера на имя Арана Торнхелла, на мое новое имя.

Сегодня – последние сутки, чтобы его получить.

И сегодня – лунное затмение.

Двое герольдов – безработных, нанятых за гроши музыкантов – время от времени трубят в надраенные фанфары, извещая горожан о том, что я иду. Толпа молча смыкается за мной, я слышу шорохи, какие производят тысячи подметок. Люди и хогги идут за мной к храму Ашара.

Архканцлер – высочайшее звание империи Санкструм. Почти безграничная власть.

– Направо, мастер Волк. Пойдемте по Сенной… потом по Скотской вниз… Так-то она Радостная, но по ней гоняют животинок на базар, понимаете, вот и прозвали в народе…

Шутейник бормочет быстро, нервно, сердце его наверняка, как и мое, пляшет от возбуждения и страха.

Шутейник – это хогг, местный гаер, певец и фигляр, готовый положить за меня жизнь. А вот других товарищей нет рядом… Лес Костей, будь он проклят!

В кармане мундира лежит обломок мертво-жизни, странный артефакт, который я держу при себе, не зная, куда его применить. Иногда я притрагиваюсь к нему, и меня обжигает холодом.

Впереди вырастает громада храма Ашара: двузубая башня-звонница и огромный фасад из красноватого камня, украшенный тройным рядом мраморных скульптур.

Площадь у храма занята теми, кого я лично пригласил. Все они тут, все! Даже те, кто были вне города – все равно успели прибыть. Они смотрят на меня с ненавистью, с ярой злобой, кто-то пытается выдавливать улыбки. И они ничего не могут поделать со мной, потому что я связал им руки – фигурально говоря, разумеется. Они хотели бы накинуться на меня и разорвать, но не могут.
Я связал им руки. Как я это сделал? О, очень просто, сейчас объясню… Но погодите. Сперва я возьму мандат и стану архканцлером.

Глава 1

Сначала, как водится, пришла головная боль. Я хоть и не женщина, но боль оказалась настолько пронзительной, что я даже слегка застонал. Вот так: «у-у-у», а не «ой-ой-ой, о-о-оххх, о-о-о», после чего добавил несколько крепких выражений, которые характеризовали мое состояние с позиций низменно-телесных.

Где я? Что я? Зачем я?

Я это или не я?

Хм. Ну, положим, я осознаю себя – значит…

Я привстал, моргая налитыми тяжестью веками. С трудом навел резкость. Голова разламывалась надвое, будто угостили монтировкой, вдобавок тошнило. Так бывало раньше только с похмелья, да и то раза три за всю мою жизнь. Я не любитель закладывать за воротник с далеко идущими последствиями. Потребляю алкоголь только для расслабления, в крайне умеренных дозах.
И вчера я точно не пил.

Хм, а что же было вчера?

Не помню.

А где я сейчас?

Не знаю.

Жив ли я вообще?

Не уверен.

Однако во рту – явный привкус давно выпитого алкоголя, смешанного с какими-то химикалиями. Вот так так… Значит, я все-таки обнимался с зеленым змием… Вкушал не обычную водку, виски или коньяк, поскольку послевкусие, или, вернее, дурновкусие этих напитков известно мне слишком хорошо. Не-э-эт, тут что-то другое. Может, коктейль? В ночной клуб меня вчера, что ли, занесло? Так ведь не ходок я по таким местам, повзрослел, давно уже неинтересно…

Я постарался оглядеться, тяжело поворачивая голову. Выражаясь языком полицейского протокола: «Труп потерпевшего больного пребывал в помещении, смотрел мутными глазами и невнятно ругался на весь мир». Я не под открытым небом и не в канаве, это радует. Помещение оформлено в коричнево-красные, темные, насыщенные тона, с тяжелой основательной мебелью у стен и серебряного цвета люстрой, в которую почему-то вместо лампочек воткнуты оплывшие свечи (потухшие).

Рекогносцировка отняла много сил, и я свалился на подушки.

Рядом нетерпеливо кашлянули, и я снова привстал на локте. Выдержал тошноту, боль, головокружение, еще раз помянул разные низменные вещи и отыскал взглядом человека – невзрачного старикашку в серой аскетичной хламиде. Он стоял у кровати, скрестив руки, и взирал на меня глубоко запавшими, страшными, колючими глазами. Поверх рук до самого живота (наверняка впалого) свешивалась белоснежная заостренная борода «Саруман-стайл». Горбатый нос в синюшных прожилках нацелился на меня, как хищный клюв.

– Очнулся наконец, – сказал старик неприветливым каркающим тенорком и произвел руками пассы, которые показались мне достаточно зловещими. Кисти его рук напоминали вороньи лапы – такие же сухие, с крепкими заостренными когтями желтого цвета. – Долго же ты… спал.

– Угу, – буркнул я, невольно сгибая ноги. Обычно я спокоен как слон, работа приучила, да и темперамент такой, нордический, но ситуация, скажем так, слегка… удивляла. – Как-то мне не очень хорошо, дедуля.

– Не беспокойся, через малое время ты уже сможешь ходить.

– Ну спасибо. А на скрипке играть буду?

Дед не оценил юмора.

– Тебя не для музыки сюда призвали.

Сюда? Куда «сюда»?

Я уселся на кровати и начал неторопливо разминать шею. Похитили меня, что ли? Опоили водкой с клофелином, теперь будут требовать выкуп? Человек я, конечно, состоятельный, но все же не из тех, у кого в загашнике миллионы. Долларов, естественно. Хотя по нынешним кризисным временам деньги у меня, конечно, есть, и деньги немалые.

Но старик не похож на главаря шайки. Скорее на какого-нибудь проповедника-сектанта. Во, точно – секта. Расплодилось их сейчас – мама не горюй, и каждой

нужны деньги прихожан. Собственно, для чего еще организуют секты, как не для того, чтобы качать финансы из доверчивых граждан? Ну а если окрутить человека не получится, всегда можно закодировать, обратить, превратить в зомби. Методы-то давным-давно отработаны.

Хм, так, может, и меня, того, хотят обратить? Старикашка больно стремный…

И при этом я не могу вспомнить, что делал вчера. Весело, ничего не скажешь.

Я дождался, пока головокружение и тошнота немного уймутся, и, превозмогая головную боль, спустил ноги с кровати, задев при этом круглый столик с остатками трапезы в глиняных простецких тарелках. Под ногой оказалась пустая бутылка, и я осторожно закатил ее под кровать. О, да бутылка не одна – во-он в углу еще две: пузатые, из темного стекла и, что характерно, без этикеток.

Хм… Я, по-видимому, участвовал в вечеринке и употреблял в неумеренных дозах какое-то загадочное спиртное.

Сюрприз: я абсолютно гол.

– Не торопись, – произнес старик весьма, надо признать, нетерпеливо. – Верь словам моим. Скоро силы вернутся к тебе, и ты сможешь ходить нормально.

Ну спасибо. А на скрипке, это самое… А, ну да: не для этого меня сюда призвали.

Я нашарил пятнисто-серую простыню, вид которой мог ужаснуть санэпидстанцию, и, кое-как прикрыв чресла, встал. Пошатывало меня изрядно, но силы, кажется, действительно возвращались. По крайней мере, свое состояние я уже мог описать, не прибегая к рискованным выражениям.

– Перенос разумов всегда отзывается болью, – сказал старик и закашлял хрипато, со свистом.

Чего-чего?

Нет, меня точно занесло в секту. Перенос разумов, слияние духов, атмосфер и запахов, и так далее, и тому подобное, а затем клиент готов, начинаем качать бабки.

Дощатый пол холодил ноги, откуда-то сбоку тянуло прохладой. Я оглянулся и приметил приоткрытое окно, узкое, в частом железном переплете. Ретро, надо признать, весьма аутентичное. Не припоминаю такого оформления комнат в наших гостиницах, разве что где-то в Европе – в Чехии, скажем, или Польше.

Тем временем старик кашлял уже в клочок багряно-красной ткани… о нет, погодите – ткань была обычная, серая, просто здорово пропиталась кровью. Туберкулез в последней стадии или кое-что похуже. Хотя финальная стадия рака вряд ли может быть хуже последней стадии туберкулеза.

Я дождался, пока он откашляется и спрячет обагренный платок, и спросил:

– Где я?

– В Санкструме.

– Глубоко занырнул. Санкс… как вы сказали?

В меня воткнулись глаза-колючки:

– Ты в другом мире, человек. Я Белек, маг первого круга, один из Спасителей Санкструма; тот, кто перенес сюда твой разум. Верь мне и слушай меня.
Я помогу.

С сумасшедшими главное не спорить, поэтому я выговорил:

– Хм… да. Без вопросов. Ну… да.

Белек нетерпеливо поддернул рукава хламиды. Кисти рук – жутко худые, оплетены синими выпуклыми венами, покрыты старческими пятнами.

– Ты помнишь, как тебя зовут?

– Андрей.

Замечательно, я не забыл свое имя. Меня зовут Андрей. Фамилия красивая – Вершинин. Я был рожден, чтобы покорять вершины, и за тридцать четыре года покорил их множество. И ни разу не сорвался. Нет, я не альпинист, мои вершины находятся в сфере бизнеса, многие из них исключительно высоки и покрыты опасным льдом, случаются и лавины и камнепады. Когда такое происходит – зовут меня, и я разбираюсь с опасным льдом, лавинами и камнепадами так, как умею: я забираюсь на вершину и устраиваю чистку. После того как я поработаю, вершина становится улыбчивой и приветливой для своих владельцев и блестит и сияет, словно ее позолотили.

Старик кивнул.

– Так звали тебя раньше. Теперь ты – герцог Аран Торнхелл. И так будет до скончания твоего века. Перенос совершился, и пути назад нет. Пойми это и прими.

– Да ладно, – сказал я. – Все понимаю, без вопросов.

Старик ответил мимолетной улыбкой и просто отошел в сторону.

За его спиной находилось стекло в овальной раме с меня ростом.

Через него на меня взглянул человек с недобрым взглядом. С очень недобрым. Был он похож одновременно на Ивана Грозного в молодости, и на Ведьмака, как его изображают в игре. Орлиный нос, резкие складки у тонкогубого рта, который давно разучился улыбаться. Высокий лоб без морщин. Светлые волосы длинными космами (по местной моде, очевидно) обрамляют впалые щеки и спускаются до ключиц.

Какая отвратительная рожа. Лет сорок ее владельцу. Ну да, сорок, а может, чуть меньше.

Человек был сухощав, но не слишком худ, кость плотная, достаточно тяжелая. А еще – абсолютно наг. Ну, если исключить простыню, которую прижимал к чреслам. С грудью, густо поросшей светлыми «бараньими» кудряшками.

Не сразу, но я понял, что смотрю на свое отражение в напольном зеркале.

Только вот загвоздка – из зеркала на меня взирал чужой человек.

Белек сказал сухо и без всякого торжества:

– Теперь он – это ты. Навсегда.

Глава 2

Я разрешил себе ужаснуться только частичкой разума. Дело в том, что я умею быстро адаптироваться к обстоятельствам практически любой сложности и так же быстро принимаю решения. Иначе не смог бы продержаться на своей работе больше десяти лет. Я умею говорить и договариваться со всеми. Даже с инопланетянами, если понадобится. А еще у меня талант резать по живому – без жалости и наркоза, после чего реанимировать пациента разрядом дефибриллятора, похлопать по щеке и отправить восвояси, указав верное направление ласковым пинком. Это суть моей профессии.

Сейчас я велел себе не выскакивать за дверь, дергая тяжелую ручку из позеленевшего металла, не кричать, не бить тщедушного старика в торец, не хватать его за шиворот с воплем: «Что здесь происходит?»

Нет, пока – никаких радикальных шагов.

Я спокойно решил осмотреться, приняв слова деда за рабочую версию. Я – в новом теле? Ладно. По крайней мере, тип, в которого поместили мою душу, выглядит не совсем пропащим. Даже если новые обстоятельства – галлюцинация, я буду следовать логике этой галлюцинации. И так же логично и без страха приму явление людей в белых халатах.

Если они появятся.

Но что-то подсказывало: не появятся.

Новое тело.

Новая жизнь.

Новый мир.

Вот данность.

Я вдохнул полной грудью. Воздух был наполнен целой гаммой странных ароматов. Я вдохнул и… принял этот мир. Принял сразу, целиком и полностью.

После чего начал осмотр.

В изножье кровати – груда одежды, набросана хаотично, так обычно бросают люди после пьянки или… когда стремятся поскорей освободиться от оков цивилизации в порыве страсти. Что-то подсказало – тут была женщина. Женщина – всегда лучшая наживка, чтобы поймать мужчину.

Да, точно: убегая, она забыла узкий, шитый серебром поясок к платью. Вон блестит под кроватью. Вряд ли это деталь одежды самого Торнхелла.

Итак, меня – ну или бывшего носителя моего нового тела – завлекли сюда женскими чарами, затем опоили вином с каким-то снотворным. После чего вот этот туберкулезно кашляющий Белек устроил душе герцога Арана Торнхелла экстерминатус. Надо чуть позже спросить, каким образом.

Так… Так-так… У кровати с другой стороны на замшевых сапогах лежит шпага в кожаных облупленных ножнах. Оружие Торнхелла. Осмелюсь предположить: меня занесло в Средневековье. Плохо это. В Средневековье были скверные зубные врачи. Ну а сам Торнхелл, если судить по шпаге, звезд с неба не хватает. Перебивается с хлеба на квас, как достопамятный капитан Алатристе. Из всего богатства – только честь и та штука, что в штанах.

Интересно, могу ли я вспомнить что-либо о прошлом бытие Торнхелла? Нет, ничего не вспоминается. Я помню себя, Андрюху Вершинина, помню родину, работу, помню Надю, помню Таню и Алену… всех бывших и нынешних. Помню другана Макса, с которым мы на пару устраивали стритрейсинг по ночным

улицам. Обычные воспоминания о прошлой жизни.

О той жизни, которой больше не будет. О той жизни, которой я был доволен! Меня выдернули из нее без разрешения и спроса. Как выдергивают из грядки созревший овощ.

Белек молчал, кашлял – давал мне время опомниться, осмотреться. Зыркал, правда, исподлобья не слишком дружелюбно, и этот его взгляд мне категорически не нравился. Не хлебом с солью меня встречали, отнюдь.

А я морщился – в висках стреляло. Тошнить, правда, стало намного меньше, и головокружение как будто почти улеглось.

Быстро же я восстанавливаюсь.

Дощатый скрипучий пол. Кровать заключена в полукольцо из кое-как накорябанных на этом полу знаков. Они напоминают зловещих паучат. Каждый, кто играл в какую-нибудь фэнтези-РПГ типа «Дьябло», легко отнесет эти знаки к разряду каббалистических. Оккультные символы, стало быть. Ну а Белек, следуя логике, – маг, ведун, чародей и все такое прочее. Значит, и мир, в который меня угораздило… наполнен магией.

Повезло мне, однако. Прямо не знаю, как радоваться. Я еще потоптался на холодном полу, затем плюнул на стыд и, отбросив покрывало, как следует осмотрел тело Арана Торнхелла.

Честно говоря, могло быть и хуже. Герцог, несомненно, следил за собой достаточно хорошо. Выглядел он поджарым, как волк. Кожа, кости, сухие мышцы. Тонкие длинные пальцы и сильные запястья фехтовальщика, и при этом весьма развитые плечи. Физиономия, конечно, доверия не внушает, особенно эти глаза сексуального маньяка, но… могло быть куда хуже. На лице целый набор шрамов. Это я знаю, это я читал: все профессиональные фехтовальщики разгуливают с такими шрамами. На торсе тоже парочка следов давних ран. Бурная жизнь у меня была… ну, не у меня, у бывшего владельца тела.

Плюнув на головокружение, я подпрыгнул, присел, встал и воздел руки над головой. Суставы не хрустят и не отзываются болью. Отлично. Еще десяток приседаний. Никакой аритмии. Сердце отлично справляется с нагрузкой. Ну,

Торнхелл хоть и пьет, но не алкаш, по крайней мере. Это внушает оптимизм.

Зрение, кажется, стопроцентное, и это замечательно.

Ногти обкусаны, на большом пальце ранка от заусенца. Живот плоский. Взгляд дерзкий. Ну, повезло так повезло.

Старик, живые мощи, нетерпеливо закашлялся в платок. Запавшие, по-распутински пронзительные глаза взглянули на меня нетерпеливо – мол, ну что, насмотрелся? Восковую кожу лица заливала бледность. Покачиваясь, он отошел к двери, где находилось кресло с высокой спинкой, и уселся, откинув голову, облегченно прикрыв глаза.

Я прошлепал к окну, посмотрелся в мутные стекла и, открыв створку до конца, обнаружил, что из распахнутого окна соседнего дома на меня без особого интереса взирает женщина. Дом был бревенчатый, трехэтажный, женщина – пожилая и седовласая. Вид голого мужчины не вызвал у нее ничего, кроме чуть заметного пожатия плечами. Привыкли тут к такому, очевидно.

Я захлопнул окно и начал одеваться. Легкая тошнота не отпускала. Виски, правда, почти перестало ломить. Подштанники алого цвета с завязками, надо же… Заштопанные рейтузы. Рубаха нижняя, серая, рубаха верхняя, опять же алая. Тело действовало само, рефлексы и кое-какие непрямые воспоминания господина Арана Торнхелла остались при мне. Интересно, а шпагой я смогу управляться с прежней ловкостью? На скрипке не умею, ладно, так и быть, но ведь шпага – оружие самого Торнхелла. Значит?..

Я медленно извлек из ножен иссиня-стальной клинок. Повертел увесистую железяку, сделал несколько выпадов, впрочем, осторожно, чтобы не зацепить потолок и мебель. Поиграл острием в воздухе. Кажется… Кажется, кое-что я умею. И не железяка это уже – осиное жало. Пчела, раз укусив, оставляет жало в ране противника и умирает, а оса… Вот этой самой осой я вдруг себя ощутил.

Впрочем, как оказалось затем, ощущение было ложным.

Ладно, хватит пока баловаться. Я аккуратно сунул осиное жало обратно, чай, не Бильбо, да и пауков с гоблинами поблизости не наблюдается.

– Где я?

Белек разлепил набрякшие веки и кашлянул.

– На окраине Санкструма.

– Санкструм – это страна?

– Империя Санкструм, величайшая в мире!

– Так… А я на ее окраине. Есть у окраины имя?

– Провинция Гарь. Город именуется Выселки. Соседствует с городом Седло. Вокруг них села – Малые Вошки, Северные Чухи, Красная Гарь, Большие Вошки, Северные Малые Чухи, Зеленая Агара, Рыбьи Потроха… – Он сделал передышку, а я в это время подумал, что названия тут не слишком отличаются от названий деревень в моих родных краях.

– Но перечисление это мало что скажет тебе. Позднее ты получишь карту Санкструма и сопредельных земель. Тебе нужна она будет. Вижу я – ты уже готов меня выслушать?

В поясной кожаной сумке герцога отыскался кошелек – бархатный, потертый. Там жидко звякало. Бумажные деньги здесь, очевидно, не в ходу, как и многое, многое другое. А у самого Торнхелла не в ходу золото, пожалуй, только медь и серебрушки. Нищеброд как он есть.

Я проверил кошелек – так и оказалось. Среди позеленевшей меди блеснули две серебряные монетки. Небогато.

Я встал и пристегнул сумку к вытертому, будто его в голодный год зубами терзали, поясу, подобрал шпагу и бросил на кровать.

– Я готов задавать вопросы, Белек. И хочу получить ответы. Потом я решу, что делать. С тобой, с собой и с Санкструмом.

Глава 3

Белек всплеснул руками, задрал подбородок, метнул сверкающую молнию из глаз. Он был удивлен – привык, что слушают его в благоговейном молчании.

Но не на того напал.

Марионеткой я не буду, и перчаточной куклой, которой управляют через задницу, – тем более.

– Я понимаю так, меня призвали сюда с определенной целью?

Белек кивнул, удостоив меня взгляда исподлобья. Он рассердился, считал, видимо, что я буду более… покладист, начну внимать его речам в благоговенье, а может, еще и кланяться стану.

– Ты истинно разумеешь… – он сделал паузу, – Андрей. И более я не назову тебя твоим истинным именем. Ты – Аран Торнхелл. И будешь им, коли захочешь жить в Санкструме достойно и богато.

О как.

Я прошелся по комнате, время от времени зыркая на Белека.

– Кто же не хочет жить достойно и богато? Но, конечно, для этого придется постараться, верно смекаю?

Он кивнул.

– Работа тебе предстоит трудная. Да и времена сейчас лихие.

– А когда и где они были легкие? – Я чуть не прибавил: «папаша». И хорошо что не прибавил, на «папашу» этот седовласый Саруман мог бы серьезно обидеться. Человек же он был, мягко говоря, непростой, и вызывать в нем чрезмерную враждебность, не вызнав все расклады, пока не стоило.

Белек нахохлился, покашлял в платок и сказал:

– В случае удачи, Торнхелл, богатство и слава станут твоими постоянными спутниками!

В случае удачи? Хм… Ну, постепенно перейдем и к подводным камням, узнаем, какие препятствия растут у меня на пути. Но что-то не нравится мне твой голос, Белек, не нравится. Ты от меня скрываешь какую-то тайну, которую и под пытками не захочешь открыть.

– Золото, женщины, изысканнейшие вина никогда не иссякнут!

– Богатство и слава меня мало интересуют. Женщины… ну, может быть… Вино – «Шато-бормото» и прочие напитки? Этого добра сейчас везде навалом. Кстати, а коньяк у вас есть?.. Это риторический вопрос. Так вот, Белек, меня привлекает прежде всего интересная работа. Трудностей я не боюсь, я от них заряжаюсь. – И поймал себя на том, что шпарю с Белеком на чужом языке, как на своем родном. Белек, очевидно, вложил в меня знание местной речи или каким-то образом сохранил это знание для меня в беспамятной голове Торнхелла. Это внушало оптимизм. А вместо «заряжаться» – слова, которого не было в местном лексиконе, я на самом деле произнес «расти».

Из-под кровати выглядывала пара коротких кожаных митенок – перчаток с обрезанными пальцами, как у наших байкеров. Я поднял их и надел: сели митенки идеально, правая была протерта на ладони. Это, понятное дело, перчатки для фехтования, и, если судить по потертости, Торнхелл, как бы сказать без скабрезностей… часто упражнял свою правую руку. Возможно, был завзятым бретером, обычным или из тех, кого можно нанять драться за себя на дуэли. Не люблю я это бестолковое насилие в благородном стиле, всегда проще договориться – если оппонент, конечно, поражен разумом.

– Давайте подробности. Что за работа?

– Спаси Санкструм!

Много эмоций, мало информации.

– Дела настолько плохи?

– Страна погибает! Злодеи скоро начнут растаскивать великую империю по кусочкам! Ты должен помешать им.

В моей голове все еще гуляли шмели. Я сел на кровать, посмотрел на Белека – тот снова кашлял в свой платок.

– О, хм. Да вы патриот. Еще раз и медленно: какая работа мне предстоит?

– Не далее чем две недели назад герцог Аран Торнхелл был избран архканцлером Санкструма.

Рациональная часть меня сделала еще одну попытку ужаснуться творящимся делам, но это был последний спазм, так сказать. Я стянул перчатки и бросил на кровать. Посмотрел на правую ладонь: мозоли на ней были от шпажной рукояти. Даже не хочется узнавать, скольких отправила к праотцам эта рука. Не люблю я насилие. Я вообще не приспособлен к насилию и войне и не люблю драться, хотя и владею навыками бокса. И угораздило же меня попасть в тело бретера!

– Уже теплее. Значит, я, то есть Торнхелл, теперь облечен властью. А кто надо мной?

– Сейчас никого! Раньше… Сорок лет Санкструмом правит император Экверис Растар, двенадцатый в династии Растаров. Он погряз в разврате, пьянстве и азартных играх еще в молодости… – Белек заперхал, сплюнул в платок кровавый сгусток. – Сейчас ему восемьдесят пять, и разум его окончательно помутился, но бразды правления Империей он потерял, еще когда был в полном рассудке.

– Позвольте ремарку: он упражнялся в разврате и азартных играх с такой страстью, что вел государственные дела спустя рукава, и с каждым годом они становились все хуже, а сейчас окончательно прокисли.

– Так есть! И ныне дела очень плохи. Очень плохи!

Ну, здесь он меня не удивил. Если взглянуть на историю монархов Земли, легко можно заметить, что на одного креативного гения в короне приходилось штук

десять бездарей, развратников и прочего дурачья, которые пускали под откос все, до чего могли дотянуться.

– Наследников короны, что вышли из его чресл, множество, но ни один не обладает даром править страною так, чтобы спасти ее. Они ленивы, глупы безмерно сладострастны и не хотят вникать в насущные заботы государства. А некоторые, напротив, ждут момента, чтобы оторвать от Санкструма кусок!

– О боже мой, да скажите проще – он настрогал таких же бездарей. Яблочко от яблони…

– Так есть!

– Но император жив?

– Так есть! Он обеспамятел, но все еще на троне – и так будет по закону до последнего его вдоха.

– Значит, он – верховная власть Санкструма?

Белек поднял когтистый палец, покачал им в воздухе.

– Уже нет!

– Поясните.

– В тяжкую годину Коронный совет, состоящий из первых лиц империи Санкструм, может назначить архканцлера сроком на два года. Сие есть древний договор между вельможами Санкструма и имперской династией Растаров.

– Механизм самосохранения империи, – я кивнул, – на случай, если очередной долбодятел… хм, император со временем наломает таких дров, что без резьбы по живому не обойтись… И какие у архканцлера полномочия?

В Древнем Риме сенат выбирал диктатора с максимальными полномочиями – правда, всего на шесть месяцев, чтобы власть не стукнула в голову. А тут – целых два года. Или – всего два. Это как посмотреть. Для долгоиграющих

преобразований этого мало, конечно. Хотя… все зависит от таланта преобразователя. С другой стороны, всегда можно, как в том анекдоте про мужика, которого спросили, что бы он стал делать, если бы стал царем, «украсть сто рублей и сбежать»; сумму, правда, можно увеличить до бесконечности.

Белек открыл рот для ответа, но длительный приступ кашля заставил его буквально согнуться в кресле. Откашлявшись, говорил он, то и дело поднося окровавленный платок ко рту:

– Твоя власть абсолютна и исключительна, и дается она только в случаях исключительных! Не пытайся насмехаться над нею. Ты сможешь карать и миловать кого угодно. Кого угодно: запомни это, Торнхелл! Запомни крепко, но не смей впадать в злоупотребление! Тебе неподвластен лишь император. Даже ближайшего его родича, члена августейшей фамилии, ты вправе засудить, прознав о его измене интересам Санкструма… – Он сделал паузу, и я понял, что тут есть не одна и не две закавыки. Ну, это-то как раз неудивительно: судить членов императорского дома во все времена и во всех странах было делом нелегким.

– Император может сместить меня раньше срока?

– Исключено, Торнхелл! Сие есть древний договор между вельможами Санкструма и имперской династией Ра…

– Я понял, понял, Белек, не стоит повторять. Значит, два года абсолютной власти? То есть почти абсолютной, угу?

– Твое слово станет законом. Коронный совет обязан утверждать твои указы. Ты не смеешь распускать Коронный совет или пытаться злоумышлять против власти императора или поступать так, чтобы твои действия разрушили Империю. – Белек говорил быстро, будто боялся не успеть, стремился донести до меня основную информацию. – Однако ты вправе казнить членов Коронного совета за доказанное предательство или же работу против Империи или любого другого подданного Империи – человека либо нелюдя. Такова твоя власть. Коронный совет не может тебя сместить. Тебя назначил сам император. Подписанный его рукою указ о твоем назначении лежит под хрустальной полусферой в храме Ашара, и ты должен взять его в руки не позднее чем через две недели!

Он тяжело, с мокрыми всхлипами задышал, снова прокашлялся в платок. Мне не понравился его взгляд – мутный, стекленеющий. И очень не понравилось то, что он сообщил. Империя за сорок лет бездарного правления Эквериса Растара, очевидно, погрязла в сильнейшей коррупции; говоря вульгарным языком – мне предстояло разгребать дерьмо такого масштаба, в сравнении с которым авгиевы конюшни показались бы детской забавой. Может, и впрямь вступить в должность, украсть несколько больше чем сто рублей и сбежать? С деньгами можно неплохо устроиться везде, даже в средневековом государстве. Только эти зубные врачи, чтоб им пусто было…

– А что случится через два года?

– Твой мандат истечет, и Коронный совет спросит с тебя за все, что ты сделал.

Это звучало как неизбежный приговор к смерти. Если я возьмусь за дело, через два года мне неизбежно и безусловно отрубят голову – причем на законных основаниях.

Глава 4

Ситуация сложилась занятная. Белек сказал, что обратно мне хода нет, и я почему-то ему верил. А рабочее место здесь, в этом мире, меня уже ждет, только напоминает оно электрический стул, на котором я буду поджариваться два года с особой изощренностью.

Если не сбегу, конечно, но когда это я бегал от трудностей? Не бегал я от них никогда. Любой вызов для моих профессиональных способностей – как красная тряпка для быка: я кидаюсь вперед, только пыль летит из-под копыт.

Однако если я затею игру в архканцлера без поддавков и начну очищать «конюшни», члены Коронного совета, интересы которых я, несомненно, зацеплю, легко и просто отрубят мне голову, когда пройдет время моей власти. Но это в случае, если я буду играть по правилам Средневековья. А если использовать знания двадцать первого века? Ну а местная знать, естественно, использует против меня уловки Средневековья, о которых я ни сном ни духом. Посмотрим,

значит, чья возьмет.

За окном раздались странные звуки – сначала шлепанье, а потом плюханье, кряхтенье и даже какое-то кваканье.

Я встал, отодвинул витражную створку и посмотрел вниз. Промежуток между домами представлял собой грязевое месиво, в котором плескалась рябая свинья-доходяга. Свиньи обычно плещутся в грязи, чтобы смыть паразитов, ибо, как ни парадоксально это звучит, животные они весьма чистоплотные. Ну а тут, стало быть, была не просто грязь, а вдобавок и свежая кучка помоев, несомненно выплеснутых из окна. Так что свинья одновременно принимала ванну и лакомилась.

Обзор справа закрывала глухая бревенчатая стена, слева виднелся кусок улицы в непролазной грязище. Видимо, недавно прошел дождь. По улице неспешно катила телега, запряженная парой чубарых лошадок. Правил ими пацан лет восемнадцати, в немаркой серой одежде и высоких сапогах с отворотами, вроде тех, что надевают в моем мире охотники и рыбаки. За бревенчатыми домиками с остроконечными крышами громоздились холмы, покрытые лесом. Глухомань…

Нахлынула волна острых помоечных ароматов, от чего меня передернуло.
Я захлопнул створку.

Добро пожаловать в средневековый рай, что уж. Судя по одежде парня – сейчас лето. И на том спасибо. А ведь могли призвать меня в стужу. С другой стороны, в мороз-то на улицах определенно меньше грязи.

Я отражался в широко раскрытых глазах Белека. Старый чародей даже не моргал – смотрел неподвижно, как восковая статуя.

Я чуть не вскрикнул, цитируя из «Ивана Васильевича»: «Как же вы допустили?!» – но подумал и сказал иначе:

– Значит, сами справиться не можете, вам потребовался варяг, чтобы вбить позвоночные диски обратно в расшатавшийся хребет экономики и немного проредить управленческий аппарат…

– Слова твои смутны, Торнхелл, и смысл их ускользает от моего понимания.

– Это не страшно, просто я сам себе говорю… Ладно, Белек, спрошу проще: почему вы призвали именно меня?

– Ты интриган!

– Забыли добавить: «низкий и подлый интриган».

– Не низкий! Не подлый! – Он судорожно всплеснул руками и опал в кресло, дыша с мокрыми всхлипами. – Умелый! Опытный! Я наделен даром смотреть сквозь миры и задавать вопросы сущему!

На моем языке вертелись разные выражения, но я промолчал, ибо вдруг уяснил, что в понятийном багаже Белека просто отсутствует понятие «кризис-менеджер».

– Минутку. Вам потребовался специалист по кризисному управлению, – я произнес это на русском, – но вы просто не сумели сформулировать это моими терминами… то есть своим языком, и попросили интригана?

– Так есть!

– Уже теплее. Вы задали вопрос в своем духе: вы попросили показать человека, для которого интриги – так вы называете мою работу – являются профессией, то есть такой профессии у вас в мире нет и пришлось обратиться в другие миры.

– Истинно. Я спросил, есть ли в других мирах люди, изощренные в интригах и знании человеческой природы, умеющие управлять разумно и властно, но при этом чтобы дух их был прям, честен, исполнен всяческих доблестей, и…

– Дальше продолжать не стоит. Вам потребовался управленец со своим личным кодексом чести, никак не связанный с Санкструмом. Такой, что если уж займет предлагаемую должность, так пойдет до конца, а не похитит сотню золотых и сбежит. «Хоккей», вы такого нашли. Но в моем мире есть еще разные… похожие на меня и лучше меня. Так почему именно я?

– Не все души можно подцепить и выдернуть, многие сидят крепко. А твоя вчера отлетела.

Я рефлекторно ухватился за витражную створку.

– Что?..

– Вчера ты умер в своем мире, Анд… Торнхелл.

Когда я сказал, что адаптируюсь быстро, то не хвастал. Страх взметнулся волной, шлепнулся на берег, подняв веер брызг… и схлынул. Затем в моей голове вихрем пронеслись мысли такого рода: ну ладно, умер, но сейчас-то жизнь продолжается, чего печалиться? Все могло сложиться иначе, даже здесь, в этом мире, все могло сложиться иначе: засунули бы меня в тело какого-нибудь крестьянина с мозолистыми руками и ранним геморроем от хождения за плугом, чтобы в поте лица добывал хлеб насущный и не забывал о выплате оброка, да еще семью кормил – жену-лебедушку, разбитую тяжелым трудом уже к тридцати, и семерых ребятишек – у одного лишай, у другого полиомиелит, еще двое с рахитными ножками, у остальных всего лишь вши в головах и блохи в портках. Вот что бы я тогда стал делать? Вот тогда бы я взвыл. А так, в нынешнем положении, все выглядит весьма неплохо, или, по крайней мере, лучше, чем могло бы быть.

Я попытался вспомнить, как провел последний день своей жизни, и не смог. На пути воспоминаний стояла черная упругая стена, в которую я без толку бился. Предыдущий день я помнил неплохо – он был стандартен во всем и до краев заполнен работой. На здоровье, впрочем, я позавчера не жаловался, да и вообще по врачам никогда не бегал.

– От чего я умер?

– Я не могу тебе сказать.

– Ну хоть не мучился перед смертью? – Небольшая доза иронии. Я прошел к кровати и встал, перекатываясь с пятки на носок: нервные такие движения…

– Я не могу тебе сказать. Я провел оккультный ритуал, мне удалось сохранить твою душу в целости, забрать ее у Стражей, вложить в тебя наш язык… – Он закашлялся особенно сильно.

Стражи? Запомним на будущее. Вообще, я собираю информацию по крупицам. Белек мне недоговаривает, он утаивает от меня процентов восемьдесят любой информации, показывая лишь верхушку айсберга. Хотя я на пару со своей интуицией прекрасно понимаю, что суммировать любую информацию Белека можно одной фразой: «Все дерьмово», – это если толерантно сказать, мягенько, без настоящего мата.

Старик как следует продышался, взглянул на меня выпуклыми прозрачными глазами:

– Твой разум я выдернул из бездны миров, заплатив за сие своей жизнью. Никто не смеет совершать ритуал призыва крейна, плата за него – смерть и посмертные муки! И лишь в крайних случаях, когда страна в опасности, можно попытаться… можно попытаться сделать то, что я совершил… Но вскоре силы оставят меня, и я уйду… я уйду… уйду…

Свинья под окнами с блаженным «рох-рох!» хлюпалась в смеси помоев и грязи, «ароматы» которой сквозь неплотно закрытую створку щекотали мне нос.

Я не придал значения последним словам чародея.

Белек помолчал, жуя губами. Лицо его все больше бледнело.

– А куда делся этот? – Я показал на зеркало, где отражался злой и все же достаточно растерянный герцог Аран Торнхелл.

– Гнусный развратник, пьяница, дурень, убийца, носящий прозвище Кровавый Душегубец! Его выбрали, ибо он согласился быть марионеткой в руках Коронного совета… В руках мерзких и подлых негодяев, для которых благо страны ничего не значит, а только желание личного блага владеет их существом! Но говорят, что Торнхелл не так прост, что он наплюет на совет, и возьмет власть в свои руки, лишь только получит мандат, и зальет Санкструм потоками крови… Так говорят!.. Но так уже не будет! Я завлек Торнхелла сюда посредством чар блудницы, опоил и провел оккультный ритуал… Его разум ныне

исторгнут из тела навсегда, душа его будет вечно странствовать меж мирами или, возможно, рассеется в пустоте межмирья!

Я вздрогнул: страшная, надо думать, участь. Кивнул своему отражению: прости, друг, я тебе ее не желал. Хотя какой ты друг, если тебя аттестуют как развратника, пьяницу и убийцу? Много на своем веку прирезал народу? Молчишь? Ну молчи. И хорошо, что молчишь – дополнительные голоса моей голове не нужны, она и так побаливает.

Я прошелся из угла в угол; сапоги были хорошо разношены и не жали.

– Значит, посредством чар вы совершили подмену одной личности другой… Именно сейчас, когда ситуация в Санкструме – хуже не придумаешь…

Старик попытался привстать в кресле, но сил хватило только опереться о подлокотники, затем он снова опал, похожий сейчас на груду тряпья, в которую закутали эксгумированный труп.

– Зловещие потрясения грядут!

– Конкретнее, пожалуйста. Какие потрясения? Время, место…

– Я могу прозревать будущее, и будущее таково: если к власти придет Аран Торнхелл, собственно Торнхелл, а не ты, Санкструм падет за полгода, тогда как с тобою у Империи есть… есть возможность спасения. Если к власти придет Торнхелл, а он глуп, златолюбив, склонен к бессмысленной жестокости, то Санкструм растащат на части, расклюют хладный труп Империи. Вороны! Вороны!

Он подался ко мне; на шее, прикрытой седыми космами, взбухли синие вены.

– Сделай невозможное! Спаси страну! Останови негодяев! Покарай неправых. Награди невиновных!

Глава 5

Пафос, пафос. Не люблю пафос ни в каком виде. Я взглянул на Белека в упор, сцепил пальцы и с хрустом выгнул – как, бывало, делают перед дракой. Но бить старика я, конечно, не собирался, хотя он, если разобраться, заслужил: я не просил его вторгаться в мою жизнь. С другой стороны – если я умер на Земле, он, получается, меня спас. Я бы много отдал, чтобы вспомнить свой последний день в родном мире.

– Значит, Белек, вы перехватили Торнхелла по дороге, завлекли и подменили, верно?

– Так есть! Подлое дело, хоть и для благих целей! И за него я сегодня расплачусь сполна!

– Угу, цель оправдывает средства; слышал, и не раз.

Старик снова приподнялся, пальцы впились в подлокотники кресла, как орлиные лапы в добычу.

– Распад страны приведет к страшной крови, к страшной, Торнхелл! И тебе предстоит постараться, чтобы этого не случилось.

– То есть вы из меня великодушного диктатора решили сделать…

– Твои слова выше моего разумения.

– Я имею в виду, что вы хотите взвалить на меня ответственность за целую страну, чтобы я спас ее, как в таком случае говорят у нас, малой кровью.

– Спаси ее, просто спаси, любыми путями! Любыми, Торнхелл!

Фанатик. Чистый, дистиллированный фанатик. Ужасно их не люблю. Фанатики всегда мыслят узко, однонаправленно, даже если у них благие цели. Ну а какие еще могут быть цели у фанатиков? Их цели (в их представлении) всегда благие. Ну а если надо поступиться определенными принципами, чтобы достичь светлого будущего – всегда найдутся отговорки, мол, не мог иначе… а вы попробуйте по-другому… народец-то дрянь… я хотел как лучше… и так далее.

Чтобы немного успокоить старика, я кивнул несколько раз, сказал, мол, да-да, конечно, будем работать, буквально завтра в забой, с кайлом, тачкой, лопатой и бодрой песенкой семерых гномов. Белек немного остыл, но дышал тяжело, в его впалой груди бурлило и клокотало.

Я вновь прошелся по комнате, прокручивая в уме всю информацию, что получил от чародея.

– Итак, подобьем бабки. Совет, как его там… Коронный, что назначил Торнхелла, состоит из однозначных подонков, так?

– Частично так.

– Угу. Значит, там есть и хорошие люди вроде вас…

– Я не вхожу в Коронный совет!

– Но знакомы с его членами?

– Истинно!

– Вы представляете патриотическое крыло, которое надеется с моей помощью спасти… как его там?..

– Санкструм! Санкструм, о невежа!

– Да-да, Санкструм, шмакструм, империю вашу ненаглядную. Архканцлером назначили человека… недалекого, жадного и в целом скверного, думая, что им можно легко манипулировать.

– Ты прав, герцог. Торнхелл погряз в долгах, в порочном азарте, имущество его давно описано, фамильные земли, замок – все перезаложено, детей у него нет, но есть знатный титул и известная фамилия, которая привела к согласию большую часть Коронного совета. Отец его сделал много для Санкструма, но сын…

– Начал играть на кладбище в орлянку и до сих пор не может остановиться.

Белек задрал сивые брови:

– Орлянка? Ты смущаешь меня словами, смысл коих подернут туманом.

– Привыкайте, я из другого мира.

Старый маг в ярости затряс кулаком:

– Не смей ты говорить словеса, смысл коих темен, иначе подозрения падут на тебя!

Хм, в этом он, пожалуй, прав. Только как узнать, какие слова говорить нельзя? Нет, конечно, слово «синхрофазотрон» определенно произносить не стоит, а вот всякие мелочи вроде названий азартных игр, алкоголя, одежды… Спалюсь ведь, ей-ей, спалюсь… Белек вложил в меня знания местного языка, но вот беда – местный словарь и земной перепутались, да так капитально, что я в беглой речи практически не могу себя контролировать.

Ладно, разберемся. Буду уверять всех, что просто умничаю, вкрапляю в свою речь какой-нибудь иностранный язык. Согласно «легенде», я не очень умен, а такие люди любят, нахватавшись по верхам разных знаний, щегольнуть ими при случае. Вот и я буду умничать, сделав серьезное лицо. Местным женщинам определенно понравится. «Же не манж па сис…», как его там…

Жестом я успокоил Белека:

– Я учту.

– Учти! Помни! И действуй! Ты должен взять в руки мандат, лежащий под хрустальной полусферой в храме Ашара, не позднее чем через две недели! Иначе он станет просто бумагой, и назначение твое пропадет, сгинет, а значит, и мои усилия пойдут прахом!

Ёк. Час от часу не легче.

– Хм. То есть спустя две недели бумажкой этой можно будет… в бумажку эту можно будет завернуть что-то ненужное, да?

– Ты разумеешь истинно, Торнхелл. Тебе потребно торопиться в Норатор, столицу Санкструма, дабы принять мандат, а с ним – и свое назначение!

Внутри меня колыхнулась волна раздражения.

– А сколько дней пути отсюда до Норатора?

– Полторы недели, если не будет сильной распутицы. Ныне весна, и дожди зачастили изрядно.

Я с хрустом сжал кулаки.

– Так какого… лешего вы провели обряд на окраине страны, а не в столице? Мне что теперь, переться две недели по этим… – я кивнул на окно, из которого, если открыть створку и выглянуть, открывался вид грязевых дебрей, – по вашим замечательным болотам?

Маниакальное возбуждение буквально подбросило старика в кресле, однако он быстро овладел собой, раздраженно цокнул языком и сказал:

– Ты невежа. Персона Торнхелла приметна, и вблизи столицы слишком много глаз следили бы за ним. К тому же магический ритуал такой мощи могли проследить вблизи Норатора имперские маги… – Старик закашлялся.

Стукнуть бы тебя в глаз, старый пи… не важно кто, но что старый и «пи…» – по крайней мере, по отношению ко мне – это точно.

– Мы опасались, что Торнхелла невозможно будет перехватить по пути, однако же нам весьма повезло – получив известие о своем назначении, он двинулся в путь один, по своему обыкновению проигравшись в карты неподалеку отсюда, в Рыбьих Потрохах… Нам удалось завлечь его в Выселки посулами злата и блуда… Затем мы опоили его. Отсюда, из Выселок, путь начнет уже новый Аран Торнхелл – путь начнешь ты!

Я сделал отметку в памяти: сразу по принятии архканцлерства переименовать Рыбьи Потроха в Голубые Фиалки.

А вот «мы» – это уже интереснее, это значит, у Белека есть здесь, в Выселках, соратники. Если я, положим, откажусь от щедрого предложения и решу вести жизнь… я не знаю – ну, какого-нибудь странствующего искателя приключений, дадут ли мне уйти? Сомнительно. И сомнительно, что меня вообще оставят в покое в Санкструме – градус внимания к моей персоне слишком высок, не говоря уже о том, что за этим Торнхеллом тянется шлейф игорных долгов. Он, разумеется, решил взять мандат архканцлера, дабы поправить свои дела: судьбы страны, спасение государства авантюристов такого рода не интересуют. Как и сказал Белек, блуд и злато – вот все, что нужно таким прощелыгам.

Я взглянул на свое отражение и чуть заметно ему подмигнул. Ну, по сравнению с тем, как я выглядел раньше – очевидный регресс. Не стал я сексуальным мачо, хотя определенный шарм во внешности Торнхелла очевидно есть. Нет, мужчина всегда остается мужчиной – я смотрю на себя и прикидываю в уме, буду ли я нравиться женщинам с такой унылой и мрачной рожей. Блуд и злато играли и в моей прежней жизни не последнюю роль. Однако я не авантюрист. Если я берусь за работу, то исполняю ее на совесть. Можно назвать это самурайским кодексом чести, наверное… Другими словами, если я «устроюсь на работу» архканцлером, никто не посмеет упрекнуть меня в конце двухгодичного срока в бездействии, или, того хуже – в том, что я принял должность ради того, чтобы набить свой карман. Но и о кармане своем я тоже позабочусь – умеренно. Я буду бороться с развалом страны, Коронный совет будет бороться со мной. Сколько лишних дыр насчитали на теле Юлия Цезаря после того заседания Сената? За двадцать, кажется… Только мне не слишком-то страшно. Обычный человек боится страдать и выбирает путь наименьшего сопротивления, а я лезу туда, куда обычные люди не ходят, и постоянный профессиональный стресс, адреналиновая приподнятость для меня – норма. Ну а возможность сгореть на работе есть всегда, этот риск я учитываю.

Я спросил:

– Но если по пути случатся непредвиденные встречи, за две недели я могу и не успеть. Значит, мандат пропадет? Накроется мокрой… мокрым… не важно чем накроется, но накроется?

Глаза старика лихорадочно блеснули, голос поднялся до пронзительных нот:

– Ты успеешь! Обязан успеть!

– Очень надеюсь на это. Но тем не менее поясните: мандат пропадет, если я не возьму его в руки за две недели?

Лицо Белека исказилось в агонизирующей злобе: по-видимому, мысль о том, что выстраданный мандат пропадет, была ему нестерпима.

– Ты успеешь! Успеешь, Торнхелл!

– Ясно, будем считать, что ответ получен. Ну ладно, я им устрою… пришествие короля вместе с приложениями. Мало никому не покажется.

Худое, чудовищно истощенное лицо Белека с невероятно запавшими щеками застыло, бледная впадина рта приоткрылась.

– Значит, ты согласен?

В старину в Англии существовали Пожиратели грехов: люди, съедавшие кусок хлеба с груди умершего и таким образом будто освобождавшие покойника от груза дурных поступков, совершенных при жизни. Были они, разумеется, париями. Я буду чем-то вроде Пожирателя, только мой покойник по имени Санкструм все еще жив, и моя задача – сожрать все грехи, которые могут привести страну к гибели. Однако чует мое сердце – парией я безусловно стану.

– Я уже сказал: мне нужна интересная работа. Однако кровавых диктаторов я презираю, насилие – ненавижу. Я за здравый смысл во всем. Я возьмусь за дело… без гарантий, разумеется. Я буду действовать именно так, как считаю нужным, и если кто-то попробует навязать мне свою волю…

Старик стал бледным, как шляпка поганого гриба, – эдакая тошнотная белизна с прозеленью. Глаза полыхнули огнем – как выяснилось, в последний раз.

– Ты берешься?..

Я пожал плечами:

– Да куда же теперь денусь… По крайней мере, эти два года обещают быть интересными.

– Ты берешься… – Его глаза стекленели.

– Берусь, – сказал я, и Белек облегченно кивнул.

В следующий миг он умер.

Глава 6

Мне еще никогда не приходилось видеть, как умирает человек. Но все бывает в первый раз – и хорошее, и плохое. Плохое чаще. Лицо Белека застыло, глаза превратились в выпуклые стеклянные пуговицы, он опал в кресле, даже как бы вдавился в него, из приоткрытого рта донесся последний протяжный, клокочущий выдох. Затем голова упала на грудь, и моему взгляду предстала бледно-розовая плешь, прикрытая редкими сивыми космами.

Я передернулся и вскочил. Сделал два шага к креслу, остановился, подошел к окну и судорожно распахнул створку, втягивая въедливые ароматы нового мира. Чушка под окном продолжала задорно хрюкать. Где-то задиристо кукарекал петух.

Я оправил рубаху, провел ладонью по щеке – пальцы, конечно, дрожали.

Подсуропил мне старикашка. Хм, старикашка… Теперь уже можно его так называть, обижаться он может только с того света. Не вовремя он помер, еще не все вопросы заданы, не все ответы получены.

– Белек? – позвал я, зная, что он не ответит.

Он и не ответил. Пальцы-крючья намертво впились в подлокотники.

А ведь он говорил, что скоро уйдет, да только я решил, что это фигура речи – просто переговорит со мной, и свалит. А он хитро взял да умер, затейник.

Я явственно начал ощущать жжение в одном месте – фигурально говоря. Предчувствие опасности накрыло с необычайной силой. Нет, пока все тихо, но это пока… Инстинкты моего нового тела говорят, что вскоре все изменится, стоит мне только выйти из комнаты. А инстинктам прожженного авантюриста я верил безоговорочно. Где-то за стенами гостиницы, но не очень далеко, начинали происходить дела, имевшие непосредственное касательство к персоне Торнхелла.

Я снова подошел к кровати, попытался улыбнуться своему отражению – однако получился лишь невротический оскал. С обнаженными зубами Торнхелл напоминал матерого волка, привыкшего есть сырое мясо на завтрак, обед и ужин. Бандит как он есть. И это – спаситель отчизны? Новый архканцлер? Коронный совет, видимо, спятил, или дела и впрямь настолько плохи, что большинство совета решило разыграть карту Торнхелла.

Я разгладил щеки, чувствуя, как хрустит под пальцами щетина.

Ну, если бриться каждый день, да убрать эти бледные лохмы… да найти одежку получше, из Торнхелла будет толк. «Бонд, Джеймс Бонд»? Нет, скорее – Дерден, Тайлер Дерден прямиком из «Бойцовского клуба». Да, этот безумный, властный блеск глаз вряд ли удастся замаскировать. Кто бы подсказал – были ли в роду Торнхелла люди с психическими отклонениями? А сам он, случаем, не псих? Нет, не думаю: безумца вряд ли назначат архканцлером – его совершенно невозможно контролировать. Значит, Торнхелл – во всех смыслах здоровый… отморозок.

Пока рассматривал себя, успел значительно успокоиться. Телу Торнхелла, а соответственно и его рефлексам, было плевать на мертвецов, я же сам, как говорил, умею адаптироваться к обстоятельствам предельно быстро.

Итак, я принял правила игры, которую навязал мне Белек. Согласился стать архканцлером. Но пока – на словах. Много всего предстоит выяснить самостоятельно, прежде чем играть в открытую. На самом деле, конечно, у меня было два пути. Согласиться с предложением мага или уйти. Но что-то подсказывало: если бы я отказался и попытался уйти, далеко бы меня не

отпустили. Моя безымянная могилка была бы где-то во-он в тех холмах, что виднеются из окна, если высунуться и посмотреть вдаль. Слишком много группа Белека поставила на карту, слишком ценный я был свидетель – а ну как меня, к примеру, изловят их соперники из Коронного совета, а я все выложу про заговор? Я знаком только со стариком, но, думаю, конкурентам известно, с кем он связан, – они потянут за ниточку и все выяснят. Понятно, что Белек и в Выселках действовал не один. Тщедушный старик был магом и проделал свою часть работы, а вот золото и блудниц обеспечили его соратники. И они же терпеливо ждут, пока наша беседа завершится и я выйду из комнаты… Один. О том, что Белек умрет, они, очевидно, знают. Они не знают главного – кто выйдет из комнаты: Торнхелл или Торнхелл-два. И еще им неизвестно, согласился ли Торнхелл-два на них работать. Они не подслушивают, о нет – слишком яростен был Белек при жизни, слишком сложный разговор предстоял ему и мне, он не допустил бы, чтобы нас подслушивали. Я полагаю даже, что он был со мной честен. Открыл не все карты, однако в главном был честен – я и правда нужен был ему, чтобы спасти Санкструм.

Осмелюсь предположить: его соратники уверены, что я выберу архканцлерство.

Они считают, что я пойду по второму пути.

Они ждут внизу Торнхелла-два.

А вот черта с два я пойду тем путем, что мне навязывают. Пока я не пойму правила игры от и до, я буду играть по-своему, да и после… тоже. Белек не догадывался, какого джинна выпустил из бутылки.

Итак, нужен третий путь. У меня есть нить, я знаю, что должен сделать – явиться в Норатор и взять мандат архканцлера в храме Ашара. Я это и проверну, но по-своему. Сначала я осмотрюсь, прикину что к чему, сделаю основные выводы. Проработаю вопросы, как говорят бюрократы. Мне ведь тоже предстоит стать бюрократом… отчасти. Но плясать под дудку какой-либо группы, пусть даже такой, что желает Империи спасения и процветания, я не буду. Ну не марионетка я, что же тут поделаешь, я натуральный псих с маниакальным желанием действовать самостоятельно. И даже в мире Земли я всегда требовал карт-бланш, как достопамятный спаситель корпорации «Крайслер» Ли Якокка, иначе просто не брался за работу. Репутация у меня была отчасти маргинальная, но это было и к лучшему. Именно за это меня и уважали. Боялись, ценили и уважали. И если я выйду из комнаты и предамся в руки группы Белека, то

покажу, что готов плясать под их дудку, проявлю слабость. Но слабость – это последнее, что ценится в политике: там ты либо на коне, либо под конем, и третьего не дано.

Поэтому – никакой слабости. Играем по-крупному, ходим по лезвию бритвы. Повезет так повезет. А нет… Но мне обычно всегда везет – не потому, что я везунчик, а потому, что умею говорить и договариваться.

Ладно, прочь самопиар. Срочно требуется наметить план действий. Третий путь накроется известным делом, если я не сумею незамеченным выбраться из этого люксового отеля.

Насколько помню из фильмов и книг, средневековые гостиницы в европейских городах строились комплексно. На первом этаже – харчевня, второй и третий отданы под номера. Теплая компания Белека (уже холодеющего) ждет меня внизу. Лестница со второго-третьего этажей выводит в зал харчевни, так что мимо компании я не пройду. Черный ход под вопросом, но сомнительно, что здесь есть такая роскошь, равно как и внешние пожарные лестницы. В зале меня подхватят под руки и отправят в Норатор прямой дорогой, а там передадут патриотическому крылу Коронного совета. А крыло наверняка думает, что я буду паинькой – ну, отчасти. Выдвину какие-то свои рацпредложения на их бюрократический суд, я ведь, по словам Белека, поднаторел в интригах, патриоты подумают, обсудят, можно ли мне позволить ими заняться, или, может, не стоит, ибо опасно, и ну его, и может затронуть финансовые интересы кого-то из группы, и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shepel-skiy_evgeniy/arhkancler-imperii-nachalo

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити